

УДК 82-1/-9

АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ РОМАНЕ

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Поставлена актуальная проблема смены художественной парадигмы в новейшей литературе и обусловленных этим изменений в способах организации художественного текста. Цель состояла в выявлении особенностей актуальной поэтики в современном западноевропейском романе, в описании обновленных способов реализации авторской стратегии и тактики. На основе проведенного поэтологического анализа обоснована специфика палимпсеста как имманентного свойства неклассического текста в романах С. Фолкса и Б. Шлинка, ведущих современных прозаиков Великобритании и Германии. Показано, что палимпсест конструируется либо по принципу агглютинации, когда текст «склеивается» из относительно самостоятельных частей, каждая из которых «просвечивает» сквозь последующие (С. Фолкс), либо по принципу «нанизывания» «вставных конструкций» на основную сюжетную линию (Б. Шлинк). Описаны функции «вставных конструкций», воспроизводящих жанровые черты античного мифа об Одиссее, «рассказанной истории», мемуаров, викторианского романа, журнальной рецензии, публицистической статьи, газетного очерка и др., которые вступают во взаимодействие с основной жанровой парадигмой романа, что определяет сложную, многоголосую и многосмысленную структуру текста. Обоснована взаимосвязь поэтики проанализированных романов с принципами неклассической художественности, базирующейся на акцентировании коммуникативной природы искусства.

Ключевые слова: художественная парадигма; роман; неклассическая художественность; «вставная конструкция»; палимпсест

Специфика современной литературы состоит в том, что она с необходимостью отражает напряженный поиск новых способов художественного осмысления человека и мира, представления о которых существенно изменились в последние десятилетия. При этом литературный процесс с очевидностью демонстрирует черты неклассической художественности как «последовательного осознания и творческого усвоения коммуникативной природы искусства» [1, с. 139], в качестве создателей которого рассматриваются, наряду с автором, и реципиенты. Кроме того, для литературы сегодня характерна значительно более выраженная, чем ранее, склонность к самоабстрагированию и саморефлексии, проистекающая из ее «контактов с современной наукой» [2, с. 15]. Вследствие этого «нового уровня научности» в недрах самой литературы нарабатывается тот инновационный опыт, который нуждается в осмыслении и согласовании с уже сложившимися литературоведческими представлениями. Это и позволяет исследователям обосно-

ванно заявлять о совершающейся на наших глазах «смене художественной парадигмы» [2, с. 3].

Сегодня все отчетливее становятся те поэтологические особенности текста, которые дают основания для такого заключения. Среди них называют палимпсест. Наряду с другими авторскими формами интертекстуальности он может быть рассмотрен в двух аспектах: 1) во взаимоотношениях между различными текстами; 2) как имманентное свойство неклассического текста, пример и проявление текстовой поэтики. В исследовании нас будет преимущественно интересоваться второй из указанных аспектов.

Цель состоит в описании признаков палимпсестной организации романов, написанных двумя ведущими современными авторами, которые представляют английскую и немецкую литературы и тем самым выявляют в них тенденции неклассической художественности. Речь пойдет о романах Б. Шлинка («Возвращение», 2006) и С. Фолкса («И пели птицы...», 1993; «Неделя в декабре», 2009).

В рассматриваемых нами романах палимпсест выступает и как метафора памяти (исторической и экзистенциальной), и как принцип введения в нарратив «чужого» текста. В этом последнем качестве палимпсест остается наименее изученным и сегодня, хотя в формирующейся на наших глазах современной теории интертекстуальности это понятие уже приобретает терминологический характер. «Привилегированный образ интертекстуальности» [3, с. 167], «метафора интертекстуальности» [4, с. 243], «память текста» и «порождающее устройство модели жизни» [2, с. 206] – таковы лишь немногие значительные интерпретации палимпсеста текста. Палимпсест, наряду с другими аспектами актуальной поэтики, детально рассмотрен в недавно появившейся монографии новгородских ученых С.Г. Исаева и Н.Г. Владимировой «Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы» (2017).

Как известно, возникновение палимпсеста было исторически связано с поисками возможностей сохранения памяти о прошлом – далеком и недавнем. Письменность способствовала такому сохранению. Однако недостаточность и дороговизна материалов для записывания (папируса, пергамента и др.) диктовала необходимость его многократного использования, для чего нужно было соскабливать или смывать предшествующий текст. Поверх него – впрочем, до конца не уничтоженного – создавалась новая запись. При этом предшествующая запись просвечивала через вновь нанесенную. Так и возник палимпсест (буквально – «вновь соскобленный»).

В интересующем нас ракурсе актуальной поэтики продуктивно обращение к генезису представлений о палимпсесте как о зафиксированной в памяти/сознании пространственно-временной модели мира, бытовавшей в европейской мысли со времен античности. Многослойная история происхождения и развития жизни на Земле запечатлена во многих палимпсестных построениях прошлого. Один из ярких примеров этого рода – Театр памяти Дж. Камилло (XVI век). В XVIII веке неаполитанским ученым Дж. Вико обосновано представление о памяти как о многослойном хранилище тропов, метафор и метонимий, возникавших в процессе абстрагирования по мере развития сознания чело-

века. Как справедливо заметил П.Х. Хаттон в своем комментарии по этому поводу, память языка может быть уподоблена палимпсесту, включающему в себя «тропологические пласты», возникавшие в разное время. При этом древнейшие из них могут быть восстановлены только после того, как произойдет дешифровка всех позднейших метафорических напластований [5, с. 155-165]. На основе этой идеи, многократно интерпретированной в разных сферах гуманитарного знания, включая и филологию (М.М. Бахтин, М. Тэлбот, Ж. Женетт, Н. Пьеге-Гро, Ю.М. Лотман, И.П. Смирнов, Г. Косиков, Р. Барт, С.Г. Исаев, Н.Г. Владимирова и др.), сформулировано понятие о палимпсесте как о «порождающем устройстве модели жизни», складывающейся из «многообразных вариаций памяти и рассказываемых историй, вызванных ими авторских, персонажных размышлений и отражений в сознании» [2, с. 206-207].

Именно это происходит в романе Б. Шлинка (р. 1944) «Возвращение». Палимпсестное устройство текста базируется здесь на сочетании основного повествования (которое здесь может быть названо так лишь с большой долей условности) и «рассказанных историй», или «вставных конструкций» (термин предложен и обоснован С.Г. Исаевым, Н.Г. Владимировой [2, с. 192-207]). По справедливому мнению исследователей, использование «вставных конструкций» стало сегодня «своего рода опознавательным знаком» неклассической поэтики конца XX – начала XXI века [2, с. 248]. При этом роль «вставных конструкций» современного романа существенно отличается от роли давно известного «текста в тексте», который традиционно являлся лишь вспомогательным элементом сюжета. Сегодня же возникла ситуация, когда значимость «основного» повествования романа редуцируется до «рамочной», а «вставная конструкция» выходит на первый план, становясь сюжетообразующей.

Жанровые черты античного мифа об Одиссее, «рассказанной истории», мемуаров, семейного романа, мелодрамы, публицистической статьи, газетного очерка и др., накладываясь друг на друга, вступают во взаимодействие с основной жанровой парадигмой романа, что определяет сложную, многоголосую и многосмысленную структуру этого

текста. Так, на воспоминания центрального героя о своем детстве в Швейцарии наслаиваются «мемуары» его деда», «беседы» с ним и рассказанные им истории из полулегендарного прошлого Швейцарии. Аксиология национальной памяти в этих «вставных конструкциях» вступает в диалог с ее сегодняшним восприятием. На этой основе возникают коллизии общего и индивидуального, эпического и лирического, возвышенного и обыденного («рассказанные истории» о «битве при Моргартене», «битве при Земпахе», «битве при Санкт-Якобе-на-Бирсе»). Уже в первой части романа объектом напряженной рефлексии становятся и вопросы права: в частности, — о «несправедливости» и ее «справедливых последствиях» («рассказанные истории» о судебных ошибках: «Процесс графа Шметтау против мельника Арнольда», «Суд над Орлеанской девой» и др.). А это, в свою очередь, приглашает читателя к размышлению о коллизиях между памятью исторической и памятью экзистенциальной. С этой целью в роман вводятся тексты, либо стилизованные под публикации в нацистской прессе времен Второй мировой войны, либо представляющие собой изложение «монографии» «Одиссея права», а также «лекций», «бесед» и «дискуссий» со студентами Колумбийского университета. Все они, согласно сюжету романа, восходят к одному и тому же персонажу — нацистскому преступнику, носящему разные имена (Дебауер — Фолькер Фонланден — Джон де Баур) и выступающему то в роли давно разыскиваемого отца героя, то в роли автора развлекательной серии романов (создавшего между тем тот самый загадочный романный сюжет, ради которого герой и предпринимает изначально свое личное «возвращение» к истокам, перерастающее в итоге в осмысление макро-истории XX века), то в роли харизматичного университетского профессора, разглагольствующего о «естественном праве» и «достоинствах» зла. Центральной среди «вставных конструкций» на темы фашизма является «статья» Фолькера Фонландена «Железное правило», содержащая «обоснование» ксенофобии и нацистской жестокости с позиций так называемого «естественного права»: «Причиняй другим то, что по силам вынести тебе самому <...>. Той опасности, которой ты готов подверг-

нуть себя, ты имеешь право подвергнуть и других, тем, чем жертвуешь ты, должны жертвовать и другие <...>. Евреи на нас не нападают? Они хотят вести свой грязный гешефт, ловчить и обманывать? Славяне хотят обрабатывать свои убогие надель, печь хлеб и гнать самогон? Это не защитит их. Германия вступила с ними в битву не на жизнь, а на смерть...» [6]. «Вставные конструкции» «Битва» и «Не разрушить», представленные как статьи Фолькера Фонландена в нацистской прессе Второй мировой войны, демонстрируют преступную изощренность псевдоинтеллектуального «оправдания» антисемитизма и жестокости по отношению к другим народам, подвергшимся военной агрессии фашистской Германии.

Далее действие романа возвращается в наши дни. Изображение успешной карьеры Джона де Баура как ученого и университетского профессора, блистательного лектора и талантливого полемиста демонстрирует опасность трансляции «интеллектуального фашизма» в молодежной аудитории. В связи с этим закономерно возникает вопрос об угрозе «возвращения» нацизма. Однако этот вопрос, кажется, остается в романе без ответа. Ведь «сын» (Иоганн Дебауер) не хочет (или не может? или не считает нужным?) отвечать за «отца» (Джона де Баура). Он включает телевизор, транслирующий интервью с де Бауром, и избегает думать о нем иначе, как только о предмете собственных сыновних мечтаний. Без ответа остается и вопрос его матери о том, какую из фамилий он собирается в будущем оставить в качестве своей. История о «возвращении» оканчивается «молчанием» молодого героя. Между тем как старший «вернулся» и продолжает говорить, не меняя при этом свою позицию. Тем самым создаются основания для постановки вопросов, осознаваемых современным человеком как особенно острые. К ним относятся вопросы о сохранении памяти прошлого и опасности ее искажения — хроноциде. Мотив «возвращения», организованный как палимпсест и положенный в основу этого романа, связан с попытками постичь истоки нацизма и осмыслить опасности его «возвращения», особенно те, что концентрируются сегодня в сфере интеллектуальной. Согласимся с мнением, что здесь «писатель вы-

ходит к глобальной проблеме послевоенного немецкого общественного сознания – противостоянию «поколения отцов», развязавших Вторую мировую войну, и первого послевоенного «поколения детей», судят или пытаются их понять» [7, с. 271].

Как видим, идея «возвращения» носит в романе концептуальный характер, что выражается и еще в одном важном обстоятельстве. Автор романа обращается к мифу об Одиссее (уже не раз в истории искусства интерпретированному как метафора человеческого существования; «Улисс» Дж. Джойса – самый значительный из примеров этого рода), что выступает здесь в качестве значимой приметы актуальной поэтики. Герой романа Иоганн Дебауер на определенном этапе своей биографии пытается строить жизнь, соотносясь с мифологическим сюжетом. Он буквально соотносит каждый свой шаг и каждое очередное решение с перипетиями судьбы Одиссея. Отец героя, идеолог «интеллектуального фашизма» Джон де Баур называет свою монографию об истории юридических концепций «Одиссеей права», утверждая тем самым историческую укорененность, неизменность и «вечное возвращение» идеологии, оправдывающей насилие над человеком. Тем самым создается ситуация, в которой реальность человеческой жизни определяется мифом, конструируется по его подобию, и «культурный текст», в силу этого, обретает жизнестроительные функции.

Разнообразные по тематике и сюжетно относительно самостоятельные, «вставные конструкции» «нанизываются», как на стержень, на сюжетную линию «поисков отца» и тем самым образуют многослойную текстовую организацию романа «Возвращение».

В романах современного английского писателя С. Фолкса (р. 1953) «И пели птицы...» и «Неделя в декабре» признаки палимпсестной организации присутствуют эксплицитно и имплицитно. «Вставные конструкции» в этих романах менее влиятельны, чем у Б. Шлинка. К тому же они, как правило, не могут быть с полным основанием охарактеризованы как таковые – поскольку сменны субъекта наррации в них не происходит. Тем не менее, они несут в себе черты данного внутритекстового образования, так как обладают определенной самостоятельностью

и при этом «работают» на метатекстовую проблематику – что значимо для нон-классики.

Здесь палимпсестный образ конструируется по принципу аглютинации: повествование «склеивается» из относительно самостоятельных частей, каждая из которых воспроизводит либо определенный период жизни персонажей на фоне мирной и воюющей Европы (как в романе «И пели птицы...»), либо один из семи дней пред рождественской недели в жизни людей начала XXI века (как в романе «Неделя в декабре»). Тема мировой катастрофы и сама Первая мировая война – эксплицитно представленная «скрепа», объединяющая между собой все семь частей романа «И пели птицы...», действие которых попеременно перемещается из Франции 1910 и 1916 гг., в Англию 1978 г., а потом опять во Францию 1917 г. и снова в Англию 1978–1979 гг. Такой «скрепой» в романе «Неделя в декабре» становится рождественская тема. Тема мировой войны и тема Рождества «проецируются» сквозь все остальные темы этих романов, возникающие в каждой из их частей. Все слои романного текста корреспондируют друг другу – не в малой степени, потому, что персонажи здесь являются «переходящими» и могут спорадически «возникать» в разных частях повествования, тем самым «высвечивая» в памяти читателя проблемы и обстоятельства, связанные с ними в предшествующих фрагментах. Кроме того, в романе «И пели птицы...» в качестве такой «скрепы», связывающей разные слои палимпсестной конструкции, выступает мотив «дневника героя». Он возникает уже в первой части романа, повествующей о предвоенной эпохе, когда становится известно, что герой романа молодой англичанин Стивен Рейсфорд ведет этот дневник уже многие годы («Дневник Стивен вел уже пять лет <...>» [8]). Он остается верен этой привычке и во время Первой мировой войны, куда уходит добровольцем, и после ее окончания. Через много лет, уже в 1978 г., его внучка обнаруживает этот дневник среди старых бумаг на чердаке родного дома. Читатель не имеет возможности ознакомиться с его текстом как таковым. По замыслу писателя, дневник будет прочтен внучкой героя Элизабет только после расшифровки. Но при этом «военные»

слои сюжетного палимпсеста воссоздают события из перспективы Стивена Рейсфорда и тех, кто воюет рядом с ним в 1916–1917 гг. В тексте романа «И пели птицы...» имеются и собственно «вставные конструкции», несущие концептуальную нагрузку и имеющие сюжетообразующее значение. Это переписка Джека Файбрейса и его жены Маргарет и пять писем фронтовиков, написанных родным и близким перед решающим боем. Центральное место среди них занимает история, отраженная в письмах Джека и Маргарет, финалом которой является сообщение жены о смерти их маленького сына Джона. Именно после этого знавший о содержании письма Стивен начинает осознавать мужчин, воюющих рядом с ним, как отцов, гибель которых оставит сиротами множество маленьких детей. Уже этим устанавливается связь между военным настоящим и мирным будущим, которое все-таки когда-нибудь наступит. Джеку не суждено дожить до конца войны, потому Стивен дает ему обещание «родить новых детей» за него [8]. Так образуется еще одна нить, связывающая «военный» и «мирный» слои сюжетного палимпсеста. Прочитав об этом в расшифрованном дневнике своего деда Стивена Рейсфорда, Элизабет назовет своего сына, родившегося в 1978 г., Джоном – в память о сыне фронтового товарища деда. Тем самым реализуется важная идея «обращения к прошлому с любовью», которую С. Фолкс, как он сам признается в комментарии к роману, считал для себя одной из важнейших [8].

В другом романе С. Фолкса «Неделя в декабре», написанном шестнадцатью годами позже, палимпсестная организация изображаемого мира представлена уже в экспозиции, что соответствующим образом направляет читательские ожидания. Последовательно вводя в повествование своих персонажей, автор располагает их в едином времени, но в разных стратах изображаемого пространства: 1) в лондонской квартире; 2) в лондонской подземке, прямо под только что описанным местом; 3) в другом жилом районе все того же городского пространства:

«Габриэль Нортвуд, барристер, тридцати с чем-то лет, читал в своей челсийской квартире Коран и дрожал от холода. <...> (здесь и далее курсив мой. – Н. П.).

Несколькими ярдами ниже квартиры Габриэля, погруженного в чтение Корана, проносится поезд метро; его машинист – молодая женщина по имени Дженни Форчун – выключает в кабине свет, поскольку ее отражение в переднем стекле мешает ей сосредоточиться <...>.

Как раз в этот самый миг в богатом «внутреннем» пригороде Норд-парк, который «размещается», как выразился агент по недвижимости, «между природными достоинствами Хата и Грина», Софи Топпинг наливала чай себе и Лансу – ее мужу, работавшему у себя в кабинете <...>.

В эти мгновения владелец хедж-фонда Джон Вилс вглядывался в один из четырех плоских мониторов, висевших над его рабочим столом» [9].

Тем самым формируется не только первоначальное представление о персонажах романа, но и многослойный образ городского мира, в котором все страты существуют в явном или латентном взаимодействии. Палимпсестный принцип организации текста «пронизывает» их все, как рентгеном, позволяя тем самым одновременно «считывать» содержание этого противоречивого единства.

Справедливо мнение, что возрождение памяти речевых жанров становится сегодня ведущей тенденцией в развитии современного зарубежного романа. В анализируемом тексте обращение к памяти жанра викторианского романа (и шире – викторианской литературы) определяет функционирование одного из значимых слоев палимпсестной структуры. Благодаря приему аллюзии это происходит уже в названии романа: «Неделя в декабре». Вместе с названиями глав («День первый. Воскресенье, 16 декабря. День второй. Понедельник, 17 декабря...») – и так до сочельника, 23 декабря) оно отсылает к теме Рождества, в читательском сознании прочно связанной с «великим викторианцем» Ч. Диккенсом.

Кто-то из первых критиков уже назвал «Неделю в декабре» «диккенсовским романом». И для этого есть некоторые основания, главное из которых, на наш взгляд, состоит как раз в обращении к памяти жанра. В числе примет «диккенсовского романа» здесь, у С. Фолкса, можно назвать многое: стремление к всеохватности в постановке актуаль-

ных проблем, критицизм, социально-временной детерминизм и вместе с тем – акцентуация личностного начала путем детализированной разработки отдельных характеров, как бы «выхваченных» из общего социального ландшафта, наконец, поэтика «благополучного финала», – как и у Ч. Диккенса, не вполне убедительного.

Мотив викторианства поддерживается неоднократными указаниями на читательские пристрастия ряда персонажей: Дженни Форчун, Габриэля Нортвуда, Ральфа Трантера. Эти пристрастия кажутся анахронизмом на фоне общей погруженности их современников в виртуальные миры, созданные цифровыми технологиями, а упоминания о любви персонажей к чтению уже сами по себе отсылают в ту давно ушедшую эпоху, когда книга значила столь многое.

Восстановление памяти жанра происходит, в частности, в связи с персонажем, названным Ральфом Трантером – литературным критиком и рецензентом. В популярной лондонской прессе этот тайный враг всех новых авторов публикуется под инициалом «Р». Делом его жизни является исследование творчества некоего викторианского писателя по имени А.Р. Эджертон, о котором он написал книгу. А рецензии, публичные выступления и беседы «Р» с другими персонажами вызывают из небытия такие знаковые фигуры викторианской эпохи, как Ч. Диккенс, У. Теккерей, Р. Браунинг, Р. Киплинг, Э. Тrollop и др. Суждения о них лапидарны и нередко грешат банальностью, что вовсе не соответствует действительному представлению о них Трантера – человека весьма образованного и остроумного, не лишённого к тому же литературного вкуса. Возникающий на этой почве конфликт показного и истинного, с одной стороны, является поэтологической характеристикой самого данного персонажа, а с другой – будит у читателя ассоциации с известными своим лицемерием персонажами викторианских романов и вообще – с темой лицемерия, так характерной для них.

Важно заметить, что рассуждения по поводу читательских пристрастий, писательских опытов и профессиональных амбиций персонажей, связанных с литературным трудом, составляют особый слой текстового па-

лимпсеста этого романа С. Фолкса. Они представляют собой либо краткие характеристики романов, авторами которых являются Трантер или Седли, с сопутствующими авторскими суждениями о качествах, необходимых писателю, и иронической трансляцией расхожих оценок художественности, либо не менее ироническое изложение биографии персонажа. Особенно развернуто представлена история жизни Ральфа Трантера – что вполне способно породить читательские ассоциации с традиционными «историями молодого человека», служившими, как известно, структурными основаниями для многих викторианских (и вообще классических) романов, от Ч. Диккенса и Э. Тrolloпа до Э. Уилсона и С. Барстоу (чьи имена неоднократно здесь упоминаются). Тем самым, не вполне удовлетворяя критериям «вставной конструкции», только что охарактеризованные эпизоды несут в себе существенные черты данного внутритекстового образования: относительную сюжетную самостоятельность и обращенность к метатекстовой проблематике, к «саморефлексии» литературы.

Таким образом, все три романа, рассмотренных здесь, обнаруживают палимпсестную организацию текста. При этом в романах С. Фолкса «вставные конструкции» как характерная примета современной прозы используются гораздо реже, чем в романе «Возвращение», где они играют первостепенную роль в образовании палимпсеста. Здесь уместно добавить, что С. Фолкс вообще нередко обнаруживает склонность к комментированию собственного художественного замысла, а также авторской стратегии и тактике его реализации. Так, в предисловии к русскому изданию романа «И пели птицы...» писатель подробно рассказывает об истории возникновения замысла романа, его центральной идее – «настоящее неразрывно связано с прошлым, равно как и общественное с личным» [8] – о складывании сюжетной схемы, о сюжетных функциях отдельных персонажей, «фактуре прозы», различавшейся в зависимости от предмета изображения, и о своих «литературных предшественниках», среди которых названы Г. Флобер, А.Б. Стендаль и Э. Золя [7; 8]. Это еще раз свидетельствует о том, что создатели современного романа испытывают потребность в самореф-

лекции, стремятся не только выражать себя в художественных образах, но и рассуждать о стратегии и тактике их создания.

В заключение следует отметить, что многочисленные и многослойные ассоциации, составляющие основу палимпсестной организации рассмотренных романов, могут быть осознаны далеко не каждым читателем. Для этого нужен определенный гуманитарный кругозор. Доверие к интеллектуальным возможностям и историко-культурному опыту реципиента, его способности стать полноправным участником освоения – а значит, в известной мере, и соиздания – художественного дискурса, в совокупности с повышенным вниманием современных авторов к метапроблематике и пристрастием к метапрозе, как нельзя более убедительно свидетельствуют об установке современного романа на реализацию коммуникативной природы искусства, что и является базовым признаком неклассической художественности.

Список литературы

1. Тюпа В.И. Неклассическая художественность // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Intrada, 2008. 358 с.
2. Исаев С.Г., Владимирова Н.Г. Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017.
3. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
4. Новикова В.Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. 369 с.
5. Hutton P.H. The new science of Giambattista Vico: historicism in its relations to poetics // Journal of Aesthetic and Criticism. 1972. № 30. P. 155-165.
6. Шлинка Б. Возвращение / пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Азбука-классика, 2010. 320 с.
7. Шарыпина Т.А. Немецкая «Одиссея» Бернхарта Шлинки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 267-271.
8. Фолкс С. «И пели птицы...» / пер. с англ. С. Ильина. М.: Синдбад, 2014. 600 с.
9. Фолкс С. Неделя в декабре. URL: <http://lit-resp.ru/chitat/ru/%D0%A4/folks-sebastjyan/nedelya-v-dekabre/> (дата обращения: 20.09.2017).

Поступила в редакцию 23.11.2017 г.

Отрецензирована 29.12.2017 г.

Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Для цитирования

Потанина Н.Л. Актуальные способы конструирования текста в современном западноевропейском романе // Неофилология. 2018. Т. 4, № 13. С. 30-38.

CURRENT METHODS OF THE TEXT CONSTRUCTING IN THE MODERN WEST EUROPEAN NOVEL

Nataliya Leonidovna POTANINA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Abstract. The current problem of changing the artistic paradigm in the modern literature and the resulting changes in the ways of organizing literary text. The aim is to identify the features of the current poetics in the modern Western European novel, in the description of the updated methods of implementation of the author's strategy and tactics. The specificity of palimpsest as an immanent property of non-classical text in the novels of S. Folks and B. Schlink, leading contemporary prosaic writers of great Britain and Germany, is proved on the basis of the conducted poetological analysis. It is shown that palimpsest is constructed either on the principle of agglutination, when the text is “glued” of relatively independent parts, each of which “shines” through the next (S. Folks), or on the principle of “stringing” of “plug-in constructions” on the main storyline (B. Schlink). The functions of “plug-in constructions” that reproduces the features of the ancient genre of the Odysseus myth, “stories”, memoirs, Victorian novel, magazine reviews, publicist articles, newspaper essays, etc., which interact with the main genre of the novel paradigm that identifies complex, multi-voiced and multivalued structure of the text are described. The interrelation of the poetics of the analyzed novels with the principles of non-classical artistry based on the accentuation of the communicative nature of art is substantiated.

Keywords: Artistic paradigm; novel; non-classical artistry; “plug-in construction”; palimpsest

References

1. Tyupa V.I. Neklassicheskaya khudozhestvennost' [Non-classical artistry]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of Actual Terms and Concepts]. Moscow, Intrada Publ., 2008, 358 p. (In Russian).
2. Isaev S.G., Vladimirova N.G. *Aktual'naya poetika: Smena khudozhestvennoy paradigmy* [Actual Poetics: the Change of Artistic Paradigm]. Velikiy Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2017. (In Russian).
3. Pege-Gro N. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the Theory of Intertextuality]. Moscow, LKI Publ., 2008, 240 p. (In Russian).
4. Novikova V.G. *Britanskiy sotsial'nyy roman v epokhu postmodernizma* [British Social Novel During the Postmodern Era]. Nizhniy Novgorod, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Publ., 2013, 369 p. (In Russian).
5. Hutton P.H. The new science of Giambattista Vico: historicism in its relations to poetics. *Journal of Aesthetic and Criticism*, 1972, no. 30, pp. 155-165.
6. Schlink B. *Vozvrashchenie* [Homecoming]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010, 320 p. (In Russian).
7. Sharypina T.A. Nemetskaya “Odissey” Bernkharta Shlinka [The German “Odyssey” by Bernhard Schlink]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo – Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2012, no. 1 (2), pp. 267-271. (In Russian).
8. Folks S. *I peli ptitsy...* [And birds were singing]. Moscow, Sindbad Publ., 2014, 600 p. (In Russian).
9. Folks S. *Nedelya v dekabre* [A week in December]. (In Russian). Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/folks-sebastjyan/nedelya-v-dekabre/> (accessed 20.09.2017).

Received 23 November 2017

Reviewed 29 December 2017

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Potanina Nataliya Leonidovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

For citation

Potanina N.L. Aktual'nye sposoby konstruirovaniya teksta v sovremennom zapadnoevropeyskom romane [Current methods of the text constructing in the modern West European novel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 30-38. (In Russian).